

Надежда Васильева

Когда
ангелы
поют

Надежда Васильева

Когда ангелы поют. Повесть

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=31508809

ISBN 9785449066879

Аннотация

Главная тема повести – сложные семейные взаимоотношения. Двое взрослых людей, Наталья и Александр, после смерти супругов не могут соединить свои судьбы из-за ревности уже взрослых детей. Любовь старшего сына Натальи положительно влияет на его взгляды, но прошлые грехи ещё цепко держат его в своих руках, приводя к трагическому финалу. Мудрой Наталье удаётся найти подход к дочери Александра. Она помогает девушке встать на ноги из инвалидной коляски. Мистические эпизоды из реальной жизни.

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	20
Глава 3	26
Глава 4	37
Глава 5	42
Глава 6	48
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Когда ангелы поют

Повесть

Надежда Васильева

*...Прими, пресвятая Богородице, молитвы
матерей, о чадех своих слёзы проливающих...*

Редактор Элина Георгиевна Растатурина

© Надежда Васильева, 2019

ISBN 978-5-4490-6687-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1

До сих пор человечество так и не разгадало до конца, что творится с душой и разумом человека в то время, когда его безвольное тело объято сном.

Когда-то бабушка предупреждала Наташу, нельзя, мол, долго смотреть на спящего человека. Однако сколько ни пыталась та вопросом: «Почему?!», бабушка так и не ответила.

Есть люди, которым не снятся сны или, может быть, не помнят их. Заснул – и провалился в небытие. Открыл глаза – никаких тебе воспоминаний, никаких тяжёлых чувств. А тут не вырваться из пут повторяющихся ночных кошмаров. Они терзают душу неясными страхами. Иногда сны снятся с продолжением.

Две ночи подряд плутала по какому-то мрачному городу. Тёмные, словно призраки, силуэты каменных домов. Высокие узкие окна наглухо закрыты ставнями. Улицы пустынные. Дорога вымощена камнем. Гулкое эхо собственных неуверенных шагов, от которого никуда не деться, пугало. Идти с непривычки трудно. Почему-то всё время подворачивалась нога. Раз чуть не вскрикнула от боли, но вовремя сжала зубы, боясь разорвать зловещую тишину. А так хотелось услышать живой голос. Пусть даже не голос, звук. Любой: скрип двери, лай собаки, мяуканье кошки... Ни звука. Почему-то знала, что стучать в ставни не надо. Никто не откроет.

Сегодня опять этот странный сон. Только теперь вдали, на горизонте, забрезжил серый рассвет. Словно властная ночь, наконец-то, решила передать свои права, и первый световой луч робко вышел на разведку. Наташа поспешила вперед, споткнулась и упала, разбив в кровь голые колени. Тихонько всхлипнула от отчаяния и острой боли. И тут услышала за спиной удивительно спокойный голос: «Не торопись! Потерпи еще немного. Так надо!» Оглянулась. Никого. А странный голос многократным эхом звучал со всех сторон. «Так надо!», «Так надо!», «Так надо!». Проснувшись и открыв глаза, всё ещё слышала это заклинание: «Так надо!». Кому надо? Зачем? Только кого спросишь?!

Заглянула в сонник. Ничего хорошего заколоченные ставни не предвещали. Ну что ж: надо – так надо! Терпеть – так терпеть! Проблемы есть. А у кого их нет?!

На работе сон забылся, а по пути домой все детали ночного видения стали ярко вырисовываться перед глазами. Тревога вырвалась из тисков дневных забот и вместе с ветром понеслась, закрутилась между домов новостройки, что, как грибы, прямо на глазах выростали по обеим сторонам их улицы, вопреки экономическому кризису, о котором кричал весь бранный мир.

Старший сын, как говорится, «не просыхал» уже целую неделю. С ужасом смотрела на него и думала: «Неужели я дала жизнь этому существу?» Вытворял такое, что стыдно кому рассказать. Да и кому расскажешь? Коллегам по рабо-

те? Тебя же и осудят. Не сумела воспитать. Твой сын!.. Что тут возразишь? Воспитывали одинаково: и младшего, и старшего. В одних условиях росли! А рядом поставь: как день и ночь. Младший, Сеня, чуткий, отзывчивый. Что ни попроси – тут же сделает и на «потом» не отложит. Всё понимает с полуслова. Худощавый, невысокий. Глаза карие и раскосые, как у китайца. Откуда гены пробились? Ни на отца, ни на неё не похож совсем. Как-то на работу к ней, в институт, заскочил, коллеги рты пооткрывали: «Твой сын?! Век бы не подумали! Иностранец – и всё тут». А старший, Геннадий, вылитый отец: красивый, статный, крупный. А характером в дядюшку пошёл. Тот из тюрьмы не выходит. Хорошо ещё, что далеко живёт. Сколько слёз свекровушка при жизни пролила! Двух дней на свободе без греха прожить не мог. То витрину магазина разобьёт, чтобы бутылку пива добыть, то машину чью-нибудь угонит, то на девчонку какую-нибудь нападёт. На все увещевания брата, Степана, один ответ: «Чихал я на вашу свободу! Привык я там. Мне здесь места нет». Потряс его как-то Степан за грудки. «Что плетёшь, поганец?! Место для каждого есть, да вот креста у тебя на вороту нет! Весь род позоришь! Был бы жив отец, от стыда бы за тебя сгорел! Мать, вон, из-за твоих выходок седая вся!» А что ещё с ним сделаешь? Был бы мужик, а то ведь доходяга. В чём только грешная душа держится? Шестьдесят килограммов против братовых ста двадцати. И жалость Степана, как в детстве, брала верх над разумом: глупый ещё, что ли? Брат был

на семь лет моложе. Но возраст ума не прибавлял. Не зря в народе говорят, родился с плешинкой, умрёшь с лысинкой. После смерти свекровушки письмами из зоны бомбить принялся: пришлите то, вышлите это... И тон такой ультимативный, требовательный. Да ещё с угрозой, не то, мол, выйду на свободу – поговорим. Отвечать не стали. Пусть забудет адрес. Не маленький. Уж пятый десяток разменял. Да если честно, не хотелось, чтобы со старшим сыном знакомился. Одного поля ягоды. Быстро бы, как старший любит выразиться, «скорешились».

Уйдя в свои безрадостные мысли, Наташа чуть не поскользнулась. Ну и погодка! Последние три года лета почти не видели, сплошные дожди, и зимы не дожидаться было. До середины декабря почва не замерзала. Вот и сейчас. Поёжилась. Ноябрь на дворе, а снега всё нет и нет. И только этот промозглый ветер. Даже не верится, что есть на свете такие места, где небо на темечко не давит. Смотришь по телевизору: в январе на яхтах ходят, в марте купаются. А здесь, словно Богом забытые! В десять часов едва белый свет забрезжит, а после трех уж опять на сумерки клонит. А так хочется чего-то определенного. Чтобы лето – так жара до тридцати, а уж если зима – то морозы под сорок! Но куда денешься? А теперь после смерти мужа – и тем более. Уж больше года прошло, как его нет, а на душе всё время такая же вот слякоть.

Никогда не думала, что с мужем может что-то случить-

ся. Крепкий, здоровый, жизнерадостный. Жила за ним как за каменной стеной. Не было дня, чтобы с работы на машине не встретил. Коллеги по работе завидовали. А то, что всякая порча от зависти, тогда не знала. Да, жили душа в душу. Бывало, хоть какой усталый, глаз не сомкнёт, пока она рядом не ляжет. И, обнимая, шепнет: «У меня мурашки от моей Наташки!». И дома, чтобы звонками не донимали, телефон отключал. Мол, отдохни! Иначе как силы восстановишь? От работы нужно уметь отключаться. Про свои служебные дела ей никогда не рассказывал. А у него, у майора, их тоже хватало. И даже на здоровье никогда особо не жаловался. Давление, правда, иногда пошаливало, но серьёзно к этому не относился. Таблетку в рот и дело с концом. За неделю до смерти сон увидел. Будто умершая бабка пришла за ним и к себе зовёт. А он отмахивается, мол, не могу, дел много. Бабка настаивает: «А когда?» Он возьми да назови точную дату: «Девятнадцатого, в Спас! В отпуск как раз выхожу». Рассказывает сон, а сам смеётся: «Вот так, Наташка! Если с колокольни твоих суеверий судить, то жить мне осталось всего неделю!» Увидел, что изменилась в лице, стиснул плечи: «Всё это сказки! Меня и колом не убьешь! Разве оставлю тебя одну?! – И грустно добавил: – Ты ведь у меня такая наивная да беззащитная! Без меня пропадёшь!».

Накануне, восемнадцатого, машину к отпуску готовил, на дачу собирались. А потом со старшим схватился. Тот Сению опять заклевывать стал. Степан ему за это по щекам нада-

вал. Спать ложился с пунцовым лицом. Впервые, наверное, не ласкались перед сном. Утром погода выдалась солнечная. Муж встал рано и опять к машине, в гараж. Посуду мыла, а мысли в душе тяжёлые сновали: «К чему бы сон этот? Тонкий мир – дело серьезное!».

Четыре раза пикнул домофон. Заторопилась. Не любит Степан никаких проволочек. Хотела, было, метнуться в спальню за одеждой, но увидела бледное лицо мужа в дверях. Помертвела, не в силах даже спросить, что случилось? А он только прошептать успел: «Худо мне что-то, Наташенька!» Качнулся к двери в гостиную и рухнул вниз лицом, подбородком о порог.

Вспоминая сейчас эти дни, словно разглядывала их в тумане. И видела только сети капельниц и его большую руку в своих горячих ладонях. Шёпотом разговаривала с ним, просила не уходить, читала молитвы. На воспалённое неподвижное лицо смотрела с надеждой. И про себя умоляла: «Открой глаза! Улыбнись! Разгони по сторонам, как это делал всегда, все скопившиеся надо мной страхи». Но глаза не открывались! Врачи на все вопросы только руками разводили: «Молитесь, чтобы не мучился долго». В сознание Степан так и не пришёл.

Похороны всплывали в памяти бессвязными рваными картинками. Сидела в траурном зале у изголовья, вглядывалась в осунувшееся, изменившееся лицо мужа, и никак не могла принять этой смерти. Потом не могла даже вспом-

нить, кто был на похоронах. Ощущала только одно: горячую руку подруги – вдовы, которая потеряла мужа год назад и лучше других понимала горечь этой утраты. Сквозь приглушённый гул чужих голосов слышала голос Степана «Обещай мне, что не останешься одна, если со мной что-нибудь случится! Тебе нельзя одной, понимаешь?!». Трудно было поверить, что это говорил он, страшно ревнивый по своей натуре человек.

А потом все старалась осознать, что же это происходит и как ей теперь жить? Без него...

На седьмой день после похорон поехала на дачу. Соседи по кооперативу предложили подкинуть до их участка. Не раздумывая, согласилась. Хотелось побыть одной. На даче всё было прибрано: посуда намыта, мусор (пластиковые бутылки, стекло, железные банки) вывезен в город, в контейнер. Растительные отходы в компостной яме. Постели заправлены, половички вытряхнуты. Любили они со Степаном приезжать в чистоту и порядок. Открыла форточку и присела на кухне в кресло, не зная, что ей делать дальше. В первую очередь, конечно, надо бы всё полить. Но подняться не было сил... И тут в открытую форточку влетело какое-то странное существо, внешне похожее на большого мотылька. Такого чуда природы никогда не видела прежде! Мотылёк был тёмно-коричневого цвета, с широкой мохнатой грудкой. Он больше напоминал маленькую птичку. Сел ей на оголённый локоть, цепко вцепившись лапками в кожу. Она ойкнула

и попыталась отогнать незваного гостя. Но не тут-то было. Сделав вокруг неё несколько кругов, мотылёк примостился у неё на плече. Наташа предусмотрительно открыла стеклянную дверь веранды и взмахнула полотенцем, выпроваживая мотылька на улицу. Тот выпорхнул из помещения, но не улетел, прижался к стеклу с наружной стороны кухонного окна, вибрируя мохнатыми крылышками. Наташа не в силах была оторвать от него взгляда. И ёкнуло в груди: не иначе, как душа Степана...

А в голове все мысли о старшем. Тот стал проявлять себя с первых же дней, словно почувствовал её растерянность. Иногда ей даже казалось, что в душе он рад тому, что не стало отца. Старалась отогнать от себя эти греховные мысли, но они одолевали всё чаще и чаще. Не стесняясь её, сын пил теперь уже почти каждый день. И бутылки не прятал. На младшего «наезжал» ни за что ни про что, безо всяких причин. Как в той басне про ягненка: «...ты виноват уж тем, что хочется мне кушать!». А Сеня, в свои пятнадцать, хоть ростом был мал, но терпеть его наскоки не хотел. Конфликты случались почти каждый день. И потому с работы ноги домой не несли.

Вот и сегодня опять тревога вила в душе гнездо.

Запах беды Наташа почувствовала издалека, увидев возле подъезда милицейскую машину. Одним махом взлетела по каменным ступенькам крыльца. Входная дверь квартиры была приоткрыта. Сердце забилося так сильно, что, казалось,

вот-вот выпрыгнет из груди.

– Что здесь происходит?! – занемевшими от ужаса губами, еле выдавила она. У кухонного окна стоял Сеня. За столом, склонившись над листом бумаги, сидел участковый. – Сеня! Что случилось?

Сын молчал.

– Брата порезал, – спокойно и даже, как ей показалось, злорадно сообщил участковый.

«Как?!!» – метнула она немой вопрос в сына.

– Достал он меня, мам! Стал руки выкручивать! Я от боли орал.

– А причина?!

– Я ему пельменей, видите ли, не оставил. В холодильнике всякой еды полно: и кура, и колбаса, и щи наварены! Он просто изверг! Фашист проклятый!

– Где он?! – заметалась она по прихожей. Хотелось взглянуть сыну в глаза. Хотя, если пьян, то во взгляде не прочтешь и не увидишь ничего, кроме пустоты.

– Да ничего с ним не случилось! Он сам и «Скорую», и «Милицию» вызвал! Заявление даже написал! Спектакль!

Она потрясённо молчала.

Участковый, ровесник её старшего сына, быстро поднялся из-за стола:

– Если ваш сын, Геннадий, заберет заявление, будем считать инцидент исчерпанным. Ну, а если не заберёт.., – развёл руками. – Короче, до свидания.

Уже держась за ручку двери, участковый, наклонившись к её уху, участливо посоветовал:

– У вас один выход. Всякий раз, когда он дебоширит, тоже пишите заявления. Случись вот так что потом, сухим из воды выйдет. И не докажете ничего! Факт преступления налицо, а пельмени, знаете, – не аргумент!

Тупо глядя на закрывшуюся за ним дверь, она, не в силах раздеться, опустилась на пуфик и обхватила голову руками.

– Мам, не из-за пельменей это, – тихо пробурчал Сеня. – Пельмени – это уж потом... Предлог, короче. Опять он тебя при мне материть начал. Такие слова выискал!.. Как у него язык-то не отсохнет! Что это, скажи? Ты ведь столько книг читала!..

На неё вдруг навалилась какая-то страшная пустота, вакуум, где ни точки опоры.словно в безвоздушном пространстве. Даже языком не пошевелить.

– Мам! Ну, что ты?!!

– Устала я, Сеня! Давай помолчим немного!..

Сын ушёл. Слышала, как надевал кроссовки, потом скрипнул дверкой шкафа, осторожно прикрыл за собой входную дверь. А у неё в голове гулким осиным роем вились растревоженные мысли. Откуда это противоборство со старшим? Может, из каких прошлых жизней? Никогда бы не поверила ни в какие прошлые жизни, если бы не одна странная встреча с иностранной журналисткой, которая произошла на международном семинаре по экологии в Швеции.

За границу попала впервые. Приглядываясь к иностранкам, всё старалась понять, почему так скромно одеты. И даже не то чтобы скромно, как-то вызывающе небрежно: кроссовки, джинсы, свитер, никчёмный шарфик на шее. Волосы расчёпаны. Мода у них такая, что ли? Наши все с утра при параде: косметика, бижутерия, причёски, будто не на завтрак, а на ужин в ресторан спешат. Или, наоборот, только с пирушки возвращаются. Пройдут мимо – шлейф духов за три метра тащится. И мужчины тоже – при костюмах и галстуках, как члены Политбюро на Доске почёта. Внимательным взглядом осмотрела женщину, что вышла делать доклад. Пронзил её взгляд, глубокий, трепетный, который так не вязался со спокойным грудным голосом. Все выступающие заметно нервничали, что выдавал их голос. А эта... будто спустилась откуда-то свысока. Может быть, преподаватель? Их спокойствие – от опыта. Красивая какая! Только глаза какие-то странные. Всё куда-то поверх голов смотрят. Говорит вдохновенно, на каком-то удивительном порыве, не то чтобы красноречия, скорее какой-то неоспоримой истины. И порыв этот исходит прямо из груди, которая защищена скрещенными кистями чувственных рук. Говорит на хорошем английском. Прислушалась. Переводчица часто затруднялась с переводом и тогда беспомощно смотрела в зал, ища поддержки. Видно было, что речь шла о вещах, ей не понятных: о жизненной энергии Кундалини, об открытых энергетических центрах, об особенностях нового времени эпо-

хи Водолея, о Божественном даре творческого потенциала и ответственности каждой личности за этот бесценный дар. Хоть английский Наташа знала не очень хорошо, но поймала себя на том, что смысл выступления проникает в неё без перевода. И внутри что-то вспыхивает, быстро и легко, как вспыхивает от искр костра сухая весенняя трава. И душу переполняет непонятное волнение. Оглянулась на соседей. Те были во власти других забот. Кто-то обсуждал предстоящую вечернюю программу, кто-то делился впечатлением от покупок, кое-кто скептически усмехался, качал головой, улавливая обрывки непонятных фраз. А женщина всё говорила – самозабвенно и упоённо. Взгляд её широко открытых глаз был устремлён поверх многочисленных людских голов. Отталкиваясь от глухих стен, светлым лучом скользил он по залу, как будто выискивал кого-то в разноликой массе. Вот зыбкий луч остановился на Наташе и тотчас радостно устремился вверх, к высокому потолку. Наташа пыталась поймать его своим горящим взглядом. Губы женщины тронула улыбка. И в зале вдруг призрачным колокольчиком зазвенела тишина. Разом стихли все посторонние разговоры, люди замерли и чего-то ждали. Раздались редкие вежливые хлопки. Женщина опустила голову и стремительно вышла из зала. А у Наташи перехватило горло – ей вдруг стало так душно, словно в помещении иссяк весь запас кислородного воздуха. Она вскочила и тоже поспешила к выходу, чтобы успеть догнать эту странную и загадочную незнакомку.

Та сидела в холле на диване. Глаза её были закрыты, ресницы чуть заметно подрагивали. Наташа несмело подошла и на ломаном английском, спросила:

– Извините, можно с Вами познакомиться? Вас как зовут? – Эти фразы первыми пришли на ум. К тому же от волнения куда-то исчез весь и без того скудный запас известных ей иностранных слов.

– Мария, – быстро открыла глаза женщина. Имя свое она произнесла по-русски. – А Вас?

– Наташа.

– Удивительно! В прошлой жизни Вы носили это же имя.

Наташа потрясённо молчала. Да и что она могла на это сказать?

– Я знаю, Вам трудно говорить по-английски, – тронула её руку женщина. – Но Вы понимаете меня, не так ли?

Наташа кивнула. Она, действительно, понимала всё, что говорила эта женщина. Более того, ей казалось, что они давно и очень хорошо знают друг друга. Хотя такого, конечно же, не могло быть!

– Да, мы знакомы, – словно прочитав её нелепые мысли, вдруг с какой-то странной улыбкой подтвердила та. – В прошлой жизни мы были подругами. Нищенками. Бродили вдвоём по Сибирским дорогам России. У Вас был красивый и сильный голос. Вы чудно пели. А сейчас поёте?

Наташа кивнула. Когда-то ходила в вокальную группу и даже пела в трио. Немало получено дипломов в разных

конкурсах. Но до песен ли сейчас?!

– А я заболела и умерла, – продолжала Мария. – Умерла у Вас на руках. Вы очень горевали, оставшись одна! Вот почему и сейчас Вас так неосознанно тянет ко мне. Вы – одна из немногих в этом зале СЛЫШАЛИ то, о чём я говорила. У Вас есть тяга к духовным знаниям, но, к сожалению, нет УЧИТЕЛЯ. Он появится тогда, когда Вы будете готовы к восприятию духовных знаний. Но для этого иногда одной жизни бывает мало.

Зазвонил мобильный телефон. Мария что-то коротко сказала в трубку. И встала:

– Извините. Я должна Вас покинуть. За мной приехал муж. Возможно, завтра он привезёт меня сюда снова. Хотя сейчас мне трудно пообещать это наверняка.

И больше Наташа её не видела: ни на следующий день, ни в день отъезда. Всё, что происходило на семинаре дальше, ничуть её не интересовало. Из головы не выходила Мария. В ней чувствовалась сила каких-то таинственных знаний. Уже в самолёте, на обратном пути, её вдруг осенило: ведь они не обменялись адресами! И взяла жуткая досада на свою растерянность. Но самоедство длилось недолго. Словно кто-то незримый провёл по волосам рукой, снимая напрасные угрызения. И вместо табло «Пристегните ремни!» высветилась мысль: значит, не время. Надо будет – даст о себе знать. Информация о каждом участнике, с адресами и телефонами, в папке у каждого есть.

И не ошиблась. Через две недели обнаружила в почтовом ящике письмо. Оно было без конверта. Но даже этот странный факт не удивил. Сложенный вдвое листок почтовой бумаги с ангелом вместо подписи источал аромат ладана. Сообщение было написано от руки. Мария писала, что общаться им пока нельзя. Причин не объясняла. Предупреждала о том, что Наташу ждут большие испытания. И советовала молиться, и утром, и вечером, чтобы не угодить в лапы тёмных сил, которые роем вьются вокруг. Прочитав письмо, Наташа спрятала его между страниц толстого англо – русского словаря и велела себе забыть о нём на время.

Глава 2

Интересно, правда ли, что существует душа? Мама в это верит. А он, Сенька, скажем так: «в стане колеблющихся». То верит, то нет. Хорошо бы, если Бог действительно был! Но тогда почему столько несправедливости на свете? Почему не карает преступников и террористов? Почему не дает счастья тем, кто этого заслуживает? Взять маму, например. Она ведь отца любила! За что дано ей такое горе? Почему суждено остаться одной? Ведь какая красивая! Вот только горбиться иногда начинает, словно груз проблем на плечи давит. Он, Сенька, ей об этом не раз говорил. Выпрямится с улыбкой, потреплет его по волосам, а потом, смотришь, снова сутулиться начнет. И добрая! Сколько людей к ней за советом обращаются. Он, Сенька, в душе матерью гордится. А старший только ёрничает, всё придирается да цепляется. Сколько раз отец ему за это по ушам давал, всё без толку. Только злобу копит. Будто всю жизнь мстит ей за что! Как у неё терпения с ним хватает?! Он бы, Сенька, на её месте, давно бы Гену этого так отделал, только бы перья по сторонам летели! Не раз уж упрекал мать в излишней мягкости. А она, знай, одно твердит: «Нельзя, Сеня, на злобу злобой отвечать. Кроме нас, ему никто не поможет. Мысленно представляй его таким, каким хотел бы видеть. И мысли сделают своё доброе дело. Он ведь и сам не ведает, что творит!»

Как же «не ведает»! Нарочно издевается. И чем больше она терпит, тем сильнее из него всякое дерьмо прёт!

После смерти отца мама совсем потеряла силу. И даже по телефону разговаривала так безучастно, словно спросонья. Звонить ей люди стали всё реже и реже. Отец раньше ворчал на мать, когда та с головой уходила в чужие проблемы. И даже отключал телефон. А теперь вот и хотелось бы, чтобы кто-то вывел её из этого гнетущего состояния, да некому.

Искоса наблюдая за матерью, видел, что вся она в своих тяжёлых мыслях. Подопрёт висок рукой, сидит и смотрит в одну точку, словно слушает кого-то видимого ей одной. Так и умом тронуться недолго. А Генка совсем распоясался. Ведет себя так, будто сам дьявол в него вселился. Каких-то полупьяных девиц водить в дом стал. Музыка врубает на всю громкость до самого утра. Из музыкального училища, где работал, выгнали. И опять-таки по пьянке. А ведь как на аккордеоне играет! И всему виной халтуры эти: свадьбы да дни рождения. Мама, наверное, еще и не знает, что Генка уволен. Уходит на работу рано, приходит поздно. И у него, Сеньки, язык не поворачивается, сказать ей об этом. У неё от таких вестей глаза испуганными становятся. Братец же её растерянностью прямо-таки упивается! Ну как о нём, после всего этого, хорошо думать можно?!

Вспомнился сороковой день после смерти отца. Пока за столом сидели вместе с друзьями да соседями, брат вёл

себя сносно. Знает, что мама о нём никому не рассказывает и сор из избы не выносит. Стоило остаться в доме одним (мама ушла провожать гостей до остановки), как тут же накинулся на пса Виконта, который спокойно лежал на коврике в прихожей, ни сном ни духом не чуя за собой какой-нибудь вины. Зачем, видите ли, пёс под ноги ему попался. Сначала ботинком пнул. Но этого показалось мало. Тогда взял в руки молоток и стал бедную псину постукивать по лапам и спине. Тот и скулил, и визжал, и рычал. Но у братца вино в жилах бродит, всё не успокоиться никак. Укусить его Виконт не может. Хозяин всё-таки. Сеня увёл собаку в гостиную и захлопнул дверь. Тогда братец накинулся на него.

– Ах ты гнида! И что я тебя в детстве не придушил!

– Зверь ты! Зверь! – с гневом выкрикнул Сеня. И дальше понесло, не остановиться. – Ты и отца в гроб вогнал! Тебе никого не жалко! – Говорил, глядя прямо ему в глаза. И вместе с горькими словами выплёскивал холодный страх, который так нагло и бесцеремонно хотел завладеть им. Старший отступил. А Сеню было больше не остановить. – И не пугай меня! Не из пугливых!

При этих словах Генкины чёрные зрачки превратились из пуговиц в острые точки. Из горла вырвался какой-то хищный рык, словно он готовился к прыжку. И не заставил себя ждать, метнул в Сенькину сторону своё огромное тело. Заломил ему руку за спину и изо всех сил пытался ударить головой об пол. Приём этот Сене был знаком. Он вовремя скон-

центрировался, напряг весь позвоночник. И удара не получилось. В это время в прихожую вбежала мать.

– Успокойтесь! Не гневите Бога! – разводила она их цепкие руки, пытаясь встать между ними. – Умоляю вас, ради памяти папы!

Сеня оторопело наблюдал за тем, как мама обнимала брата, как маленького, гладила его по голове и шептала:

– Я люблю тебя, Геночка, слышишь?! Молюсь за тебя! Каждый день молюсь! У нас всё будет хорошо! А Сеня теперь будет спать в гостиной. Сеня! – умоляюще взглянула она на него. – Перенеси в гостиную свою постель! Сегодня в доме должно быть очень тихо! Слышите?! Тихо! Тихо... Тихо...

Она продолжала гладить Генку по голове. И, что удивительно, тот не отпихивал руку матери. Наоборот, во взгляде появилось что-то детское, виноватое. И голова стыдливо опустилось вниз.

Со стены с грохотом упал портрет отца, обрамлённый чёрной лентой. Стекло на портрете треснуло. Мать с ужасом смотрела на портрет, и Сеня понял – плохой знак. Как ни странно, но это разом отрезвило брата. Он быстро ушел в свою комнату и выбросил Сенину постель в прихожую. Коврик Виконта тоже переместил из прихожей в гостиную. Умный пес сразу понял, что к чему, и даже благодарно лизнул ему руку.

Ночью, услышав глухие рыдания матери, Сеня осторожно

постучался в её спальню. Присел на край постели и мягко провёл рукой по маминым волосам.

– Мам, отчего он у нас такой жестокий? И почему меня так с самого детства ненавидит?

Мать молчала, глядя на висящую в углу икону Богородицы. Сеня понял: ей и самой хотелось бы задать кому-нибудь этот вопрос. Он вздохнул и тихо вышел из спальни.

И долго наблюдал за тем, как пляшут на стене отблески уличного фонаря. Вот они выстроились в петляющую тропинку. Мама говорит, что у каждого человека свой путь. По чужому идти и тяжело и опасно, потому как у каждого человека свой шаг и свой след, в который ступня попадает легко и уверенно. А рискнешь свернуть на чужую тропу, будешь падать, подворачивая и ломая ноги. Сеня такое не раз замечал. Даже не в лесу, а в городе, когда переходишь зимой по газону с одной стороны тротуара на другую по чужому следу. Приходится то неестественно растягивать шаг, то семенить, чертыхаясь, на застывших ухабах. И откуда у матери сравнения эти? Умеет она во всем необыкновенное видеть. А ещё она умеет боль снимать руками и молитвой. Как-то пришел со школы, голова раскальвалась. То ли от духоты, что стояла в классе, то ли от напряжения: писали контрольную. Мать его на стул усадила и стала делать массаж головы. Сеня сначала упирался, мол, мне это, что мёртвому припарки. А потом затих и чуть не уснул, отдавшись во власть нежных прикосновений. Потом дошло, почему говорят: боль –

как рукой сняло! У братца тоже однажды на груди под со-
ском что-то покраснело и воспалилось. Он сначала матери
стеснялся сказать. Но к врачам идти ещё стыднее. Сеню по-
просил, чтобы с матерью поделился. Мать заставила братца
рубашку снять. Накрыла рукой красноту и принялась молит-
вы шептать. А когда сняла руку, Генка разочарованно про-
тянул:

– Ну-у-у! Как было, так и есть!

– Конечно, не сразу! – твердо сказала мать. – Я тебе не фо-
кусница. К утру пройдёт.

Генка с утра прямиком к зеркалу. Поднял майку – глазам
не верит: воспаления как не бывало.

А фонарь всё покачивался, высвечивая на стене петляю-
щую тропинку. Сеня мысленно побрёл по ней куда-то вверх
и потерялся в причудливых сновидениях.

Глава 3

Генка лежал в своей комнате, тупо уставившись на картину, что висела на стене напротив. Нагая амазонка, бесстыдно разведя колени, как это делают все наездницы, сидела на спине несущегося во всю прыть буйвола. В руках она держала копьё. Копьём метила в Генку. От её дьявольского взгляда по спине пробежал холодок. Зачем он притащил в дом эту мерзость?! Кто-то выбросил в мусорный контейнер: надоело смотреть в хищные глаза, полные греховной страсти. А он взял и подобрал, да ещё повесил на самое видное место. Картину эту мать, конечно, ещё не видела, в его комнату теперь заходила редко. А случилось это после одной стычки. В тот день он «принял на грудь», как говорит дядя Фёдор, их сосед по гаражу, довольно изрядно и потому плюхнулся на чистую постель, не снимая брюк и кроссовок. Когда мать заглянула к нему в комнату, на её лице застыло такое безнадежное отчаяние, что Генку понесло:

– Что уставилась?! Да! Да! Лежу, как в свинарнике! Ты это хочешь сказать?! Ну, скажи! Что молчишь? Уважаешь себя! Слова грубого произнести не хочешь?! «Святая» ты наша...

И она произнесла, тихо, но внушительно, так, что Генка сразу понял: это у неё выстрадано давно.

– Отныне грязь за собой выметать будешь сам!

Но Генка не выметал. Всё надеялся, что мать одумается.

В комнате стоял тяжёлый запах и даже появились тараканы. Под кроватью скопилось немало пустых винных бутылок. А под тумбочкой – съестных объедков: яичная скорлупа, шкурки из-под колбасы, хлебные корки... Его постельное бельё она в прачечную больше не сдавала. Простынь уже простынью назвать было нельзя – так, грязная тряпка или, скорее, длинный скрученный шарф, серого, как старые доски, цвета.

Мать вышла. А в нём еще долго тогда бурлила дикая злость. Пусть Сеню своего в зад лижет! Он у нее на особом положении. Выслуживается перед ней, пёс поганый! Только и слышишь: «Мам!», «Мам!», «Мам!», «Мам!» И собаку выгуливает, и в магазин летом по первому её свистку! И на родник – за чистой питьевой водой!

А голая девица на картине все также хищно шурила на него свои чёрные глаза. Выброшу завтра же на помойку! И буйвол этот тоже! Того и гляди, острым рогом печёнку пронзит! Мчится так, что искры из-под копыт!

Злость разбирала такая, хоть головой об стенку бейся! Откуда это всё прёт?! Как спастись от этого бешенства?! Сунься в этот момент к нему Сенька, измолотил бы до полусмерти. Но Сенька на рожон не лез. Мать, видать, научила, мол, держись подальше. Строит из себя святую! Взгляд как у Богородицы! С милостливым таким укором... Плевать он, Генка, хотел на её взгляды!

Стукнул кулаком по тумбочке, замычал, заскрипел зуба-

ми. Да что же это с ним творится?! Удивляло одно: как только мать начинала молиться, из него как будто пар выпускали. Вот и сейчас злость перестала кипеть. Так и представил: мать у себя в спальне сидит перед иконой Богородицы, сложив руки на коленях, в подсвечнике горит свеча, на блюдечке дымится тлеющий ладан.

Почему его так заносит? И отчего возникает эта злость? Не всегда, конечно... Чаще всего – в минуты похмелья. А так-то он мать с братом вообще-то любит. Случись что с Сенькой, свихнулся бы с горя. Однажды Сенька (тогда еще в школу не ходил, лет пять или шесть ему было) решил проверить по секундомеру, сколько минут под водой без воздуха сможет пробыть. Придумал ведь! Напустил полную ванную воды, разделся до трусов, зажал рукой нос и лёг в воду вниз лицом. Заходит он, Генка, в ванную, и видит Сенькину выгнутую спину, а лицо в воде. Думал, что брат захлебнулся. Такой ужас по ногам ударил, еле устоял. Схватил его, вытащил из воды, а тот глаза таращит да еще пальцем у виска крутит, мол, ты что, того? Ох, и досталось ему тогда!

– Попробуй, так ещё сделай! Я тебе такие рога на лбу наставлю, долго помнить будешь! Лежит, как утопленник! А если бы не я, а мать вошла? У той бы точно разрыв сердца случился!

И с досады секундомер в форточку выбросил. А потом ещё долго дрожь в коленях не проходила. Да и не только в коленях, всё внутри тряслось.

Мать, конечно, его, Генку, тоже жалеет. Хоть и сказала, что, мол, больше кормить не будет, пока работать не пойдёт, но сало в холодильнике держала. Сенька сало не ест, мать – тоже. Значит, для него покупает. В её присутствии в кухню Генка не заходил, а Сеньки не стеснялся. Супы, конечно, не разогревал, а вот сало, сыр, колбасу незаметно «отначивал». А что ж ему с голоду умереть?! Кто его на работу возьмёт, когда в трудовой запись: «Уволен по тридцать третьей»? Ежу понятно: за пьянство. Конечно, ящики грузить на рынке можно и без трудовой, но уж больно не хотелось!

Мысли унеслись в такое далёкое теперь уже детство. Мать и отец души в нем не чаяли. Еще бы! Первенец! Мать родила его в девятнадцать лет. А он всё время болел. Что с ним происходило, не помнил. Но когда приходил в себя, на него смотрела мать, и взгляд её светлых глаз был полон любви и страдания. И от этого становилось так хорошо, что он тянул к ней руки и улыбался. Куда все это делось? Детство было таким безоблачным, что, казалось, этот рай земной будет длиться вечно. Ан нет! Потом всё резко изменилось. И где-то в глубине души затаилась обида: его обманули! Чем старше он становился, тем все резче звучал голос отца. Особенно после рождения Сеньки. Только и слышал: «Не кричи, Сеня спит!», «Не бегай, как сумасшедший! Сеню с ног собьёшь!», «Не ешь один! Поделись клубникой с Сеней!». Раздражение против этого Сени началось еще тогда, когда он был у матери в животе. «Не маши локтями! Ударишь неча-

янно маму по животу! А там Сенечка, твой маленький братик!» – «Да не хочу я никакого братика!» – истошно орал он и получал за это от отца подзатыльники. А мать только головой качала: «Братик тебе непременно нужен, иначе вырастешь эгоистом!». Но значения этого слова Генка долго не понимал, а спрашивать родителей не хотелось. Даже сейчас, когда он слышал это слово, внутри закипала какая-то ярость. Оно казалось чем-то страшным, колючим и зловонным. И кружило оно над ним все чаще, норовя приклеиться хоть с какой-нибудь стороны. Но Генка, как мог, от него отмахивался и громко хлопал дверью, отпугивая настырное словцо. Оно оставалось в прихожей, там, где висел на магните косматый тролль, какой-то норвежец подарил матери где-то на международном семинаре. Слово «эгоист» подошло больше этому троллю, который щерился из угла. Генка все собирался кому-нибудь подарить этого тролля, чтобы не скалился, не злорадствовал. Но всё забывал. А, может, жалел. Что-то в этом тролле было ему сродни.

Время от времени, взглянув на тролля, Генка начинал разбирать себя по косточкам. Ну, не хуже он всех, в конце-то концов. По пьяни, конечно, контроль над языком теряет. Из груди исходит какой-то рык. А пьёт потому, что после первой стопки душа мякнет, любовью к миру наполняется. Улетучиваются разом всякие мелочные обиды, глупые претензии, а иногда возникает желание обнять случайных компаньонов по веселому застолью. Жалко, что мать

и Сенька никогда не видели его в таком благодушном состоянии, которое наступает после распития первой бутылки. Вторая и третья ничего хорошего не приносили. Благодушные сменялось раздражением, на всех и вся. На дремлющих друзей, за что так и хотелось надавать им «по мордам», на косые взгляды прохожих, на язвительные подколки соседей, на страдальческий взгляд матери, на Сенькино осуждающее сопение и даже на злорадный оскал этого косматого тролля. Вырвавшийся из-под контроля язык начинал молотить всякую чушь, не гнушаясь матерных слов, хоть прикусывай его! Но больше всего удивлял этот несвойственный ему рык, что вырывался из груди. Иногда даже Генке казалось, что кто-то делает это помимо его воли. Да почему «казалось»? Так оно и было на самом деле! Разве бы позволил он себе такие интонации, какие летели в адрес матери по пьяному делу?! Хотя, если честно, он помнил только начало разговора, а что происходило потом, услужливая память покрывала пеленой забвения. Но вещественные доказательства всё же оставались: то сломанная полка в туалете, то разбитый цветочный горшок, то вырванная «с мясом» дверная ручка... На другое утро Генка только головой качал: «Неужели я?! Быть не может!» А кто ещё? Не Сенька же. И не мать, уж это точно. Но чем больше грызла совесть, тем демагогичнее звучали оправдания: «Ну и что?! Вы-то трезвые! Значит, должны быть умнее!» Раньше еще добавлял: «На свои пью!». Теперь этот козырь отпал. Пил не на свои. Частенько угощал

дядя Фёдор, сосед по гаражу. Генка знал, за что. Тот был к матери равнодушен и после смерти отца в любовники к ней подбивался, хоть у самого семья. Он, конечно, матери не пара: у него это на рыжей морде написано. И никогда бы мать с ним никаких любовных дел иметь не стала. Он, Генка, уж это знает! На все пошлые шуточки дяди Фёдора мать лишь растерянно улыбалась и ускоряла шаг. Гнушаться рюмкой дяди Фёдора не хотелось. И Генка, как на духу, отвечал на все вопросы любопытного соседа: сколько мать получает, где работает, заходят ли другие мужчины в их дом. Больше всего язык развязывался после второй бутылки. Как-то дядя Фёдор попросил Генку познакомить его с матерью поближе.

– Да ты что, дядя Федор?! Как я это сделаю? За руку, что ль, тебя в дом приведу?! Вот, мол, дядя Федя, он хочет быть твоим любовником!..

– Ладно Ваньку ломать! Голову на плечах имеешь! Разъедини какие-нибудь проводки в машине. А я почию! А за доброе дело пусть в гости пригласит!..

Машину водила мать классно. Отец «поднатаскал». Раньше шурупа от винтика не отличала, что «цисцерна», что «канистра» – один ей чёрт! Но упрямо так теорию вождения зубрила. Книгу с экзаменационными билетами ПДД на пять раз разобрала, у компьютера с тестами до утра сидела. Если бы он, Генка, столько над учебниками корпел, давно бы уж профессором был! Откуда у неё столько терпения? Домой с практики приходила вся в мыле. Но в моторных делах,

как всякая женщина, по-прежнему разбиралась плохо. Так что идея дяди Фёдора была не так уж и плоха. Но Сенька мог подпортить всё дело. В технике волок, будь здоров! Так что первым делом мать на него будет уповать. Так дядьке Фёдору и сказал. Но всё-таки пообещал план будущего знакомства обдумать.

Выпивал не только с дядей Фёдором. Иногда на выпивку подбивали и другие соседи по дому. Дни рождения по выходным отмечались то в одной семье, то в другой. И всем веселья хотелось. А у него аккордеон. На слух любую песню подбирал, какую закажут. Денег за игру не брал. Мать это с детства внушила. Зато от стопки не отказывался. Иногда и с собой давали. Брал. А чего? Играл виртуозно. Даже мать это не раз подмечала. Слышать от неё такое было особенно приятно. Но как только разговор подходил к его, Генкиным, недостаткам, он тут же окружал себя непробиваемой бронёй и ловко отбивал каждое критичное слово, каждое замечание, каждый аргумент, брошенный в его адрес. Иногда мать в отчаянии шептала:

– Геночка! Сынок! Послушай меня! Ведь никто тебе, кроме меня, правды-то не скажет! Мы являемся на этот свет, чтобы совершенствовать свой внутренний мир! Чтобы понять истины Божие!

– Вот и совершенствуй себя! А от меня отцепись! Я – сам по себе, понимаешь?! И иди ты со своим Богом знаешь куда?!

Мать замолкала. И какое-то время к нему не приставала. Но от этого Генке легче не становилось. Её молчание раздражало ещё больше. Святошу из себя корчит! Ни водки, ни пива не пьет, не курит, не гуляет, каждый четверг квартиру большим мытьём моет. Всё у нее в порядочке. Никому грубого слова не скажет. Уж он, Генка, сколько ни старается её из себя вывести, – словно не слышит! Праведная нашлась! И от праведности этой её ему, Генке, тошно! По-волчьи выть хочется! Человек она живой или мумия египетская?! У всех матери, как матери, а эта!... Иногда так кулаки и чешутся! Но в последний момент что-то останавливает. И тогда хочется крушить все вокруг! И только она одна в этом виновата! Каждое слово, как цитата из Библии или из морального кодекса строителей коммунизма. Всё он, Генка, что-то кому-то «должен» да «обязан»! Плевать он на всех хотел! Не работает и не будет! На черта ему надо на этих новых русских, за копейки, с утра до ночи, спину гнуть?! У них дачи на Канарах, счета в швейцарских банках, собственные яхты и вертолеты! И все законы под них писаны! Уж лучше заживо в дерьме сгнить!!!

Сейчас бы мать поднялась! «Гена! Что ты несёшь?! Наши мысли материальны! Какую программу себе выстроишь, так и жизнь сложится!». Начиталась всякой ерунды! Говорит, что пространство вокруг каждого человека заполнено человеческими мыслями. Чушь какая-то! Мол, чистые и светлые помыслы создают вокруг человека защитный панцирь, ко-

торый не позволяет, как она выразилась, «низменным чувствам» проникать внутрь. Что, дескать, в состоянии депрессии человек оказывается в плотном коконе тяжёлых и тёмных мыслей. Широко развёл руки в стороны, поднял высоко над головой. Ну и где этот плотный кокон?! Создала себе какой-то свой мирок, внушила себе всякую ерунду и мается!

Хлопнул дверкой холодильника, достал кусок колбасы, кинул в рот. От мыслей этих чокнуться можно. Даже в желудке что-то подсасывать стало.

А ещё говорила, мол, даже тюремная камера может быть настолько пропитана мыслями о самоубийстве, что все попадающие в неё узники будут думать только об одном: каким образом лишиться себя жизни. Это где-то слышал, то ли по телику, то ли по радио. В этом, похоже, что-то есть. Мысли, конечно, какой-то силой обладают. Сам замечал. Смотришь, идёт бабка по скользкой дороге, осторожно так выверяет каждый дрожащий шаг. «Сейчас упадёт, бестолковая!» – мелькнёт в голове невзначай. Не успеешь подумать – глядишь: завалилась. Вот что это? Или вот страх взять... Как только появится в душе, тут же и притянет что-нибудь мерзкое к твоему берегу. Так что, может, и права она насчёт мыслей-то... Только зачем словечками заумными козырять: «низменные чувства», «кокон»?..

Мельком взглянул на девицу, что на буйволе, нагая... И вдруг показалось, что она усмехнулась! И у буйвола глаза красным светом зажглись. Аж мурашки по коже!

Вскочил, сорвал картину со стены, перевернул и поставил в угол. Завтра же на помойку выкину!

Глава 4

Если кто-нибудь бы прежде сказал Александру о том, что он по своей доброй воле поедет в монастырь, он бы долго смеялся. Будучи в душе атеистом и историком по образованию, никогда не верил ни в какие чудеса. Но рассказ соседки с пятого этажа озадачил не на шутку. Её сын с детства не ходил, врождённый паралич. Столько лет в инвалидной коляске, и вдруг собственными глазами увидел мальчика, спускающегося с лестницы на своих ногах. Соседка клялась и божилась, что исцеление наступило после посещения мощей святого старца. И в душу это запало. Ведь если бы не видел мальчика в коляске собственными глазами!.. Вот уже пять лет была прикована к инвалидной коляске его дочь, Танюшка. Случилось после гриппа. Отказали ноги. Куда только не обращались они с женой! В какие институты, каким профессорам не кланялись! Все без толку. Человек, не знающий, что такое ходить, не задумывается над своей проблемой. Он принимает себя таким, какой он есть, каким рождён на этот свет. И радуется жизни. У него нет претензий к Богу. А когда уже вкушён соблазн движения и вдруг лишаешься такой возможности – безропотно принять болезнь тяжело. Дочь, Танюшка, не может смириться с этим до сих пор. Из-за переживаний ушла на тот свет раньше времени жена. Слышать глухие рыдания собственного ребёнка по ночам было

невыносимо. Теперь страдать приходилось одному. Вот и решил поехать в монастырь. А вдруг...

В автобусе были только женщины. Найдя свободное место, быстро сел, открыл книгу. Общаться ни с кем не хотелось. Но тут услышал грудной мелодичный голос:

– Это место свободно?

Неохотно оторвал взгляд от книги. Перед ним стояла милостивая женщина, статная, большеглазая. Он обвёл взглядом салон автобуса. Свободных мест, действительно, больше не было. Тогда быстро кивнул женщине и стал искоса наблюдать за ней. От соседки исходил какой-то сладковатый восточный аромат. Русые волосы были заплетены в косу. Внешне ей нельзя было дать более тридцати пяти, однако спокойный и мудрый взгляд приветливых серых глаз подсказывал, что жизненный опыт у нее большой. Неужели и у этой внешне такой обаятельной женщины есть в жизни какие-то проблемы?

После смерти жены ни с кем из женщин он не встречался, хотя виды на него имели многие. С головой ушёл в общественную работу, возглавив неправительственную организацию «Родная земля». И за землю эту родную биться приходилось много! И в прямом, и в переносном смысле слова. Её распродавали направо и налево, как говорится, почём зря. В основном землю скупали московские и питерские толстосумы. Прибирались волосатыми руками самые лакомые и плодородные кусочки. Не для развития сельского хозяй-

ства, а так, прихоти и прибыли ради, под отели, мотели, бордели...

Вспоминая об этом, весь внутренне заводился. Скоро простому человеку ступить будет некуда. Заставят на одной ноге стоять, через раз дышать. Обложат красными флажками! А законы их, что дышло!.. Будущего дальше своего носа не видят!

Ну вот, опять понеслось!.. Хотя на минуту забыть об этом. Но, как говорится, нет худа без добра. Если бы не эта общественная деятельность, не выйти бы было ему из депрессии после смерти жены ещё долгое время. А тут вихрем закрутило. События развивались так стремительно, только успевай поворачиваться. Вечерами рассказывал дочери обо всех этих событиях, ещё раз просчитывал все свои шаги, читая в её глазах реакцию на каждое своё слово. Танюшка активно помогала ему в работе. Она печатала документы, писала статьи, вела телефонные переговоры. Её знали не как его дочь, а как секретаря их общественной организации. Благое дело лечило душу обоим, объединяло общим интересом, дарило радость добрых результатов, энергию благодарности многих неравнодушных к судьбе страны людей.

– Вы едете в этот монастырь в первый раз? – будто изда- лека, донёсся до него негромкий голос соседки.

Повернул к ней голову.

– Да. Я, вообще-то, человек, как это нынче говорят, нево- церковлённый. А вы?

– Я тоже. Но в душе Веру имею. И считаю, что к Богу у каждого человека дорога своя.

Он кивнул. Нужно было что-то сказать или хотя бы что-то спросить в ответ. Прервать разговор с этой женщиной было просто неудобно.

– А Вы на экскурсию?

– Нет, что Вы! Это не экскурсионный автобус. Люди едут к святым мощам старца. Вглядитесь в их лица. На каждом печать какой-то тревоги.

– Вы не психолог?

– Нет, – почему-то смутилась она. – Эколог.

– Это уже интересно! – покачал головой он.

– Интересуетесь экологией?

– Ею нельзя не интересоваться. Всякий здравомыслящий человек это понимает.

Разговор завязался как-то уж больно непринуждённо. Сначала о проблемах экологии, а потом... и о своём, личном. Женщина рассказывала ему о своих бедах так открыто и откровенно, что он даже немного растерялся. И тем не менее верил каждому её слову. Видел: наболело!

– Знаете, у меня тоже проблемы с дочерью. С тринадцати лет в инвалидной коляске. И никто не может определить диагноз или дать какие-либо прогнозы на будущее. Два года назад умерла жена. Обширный инфаркт. Теперь мы остались с ней вдвоём.

Давно уж ни с кем не делился своими проблемами, а тут

как прорвало!

В очереди к святым мощам они тоже стояли вместе. Ох уж эти российские очереди! Они неискоренимы! За колбасой, за мебелью, за книгами... А вот теперь... к святым мощам. словно кто учит нашего брата, россиянина, терпению и смирению. И неважно, что востребовано: материальное или духовное. Важен урок! Когда «прекрасная незнакомка», как мысленно окрестил соседку Александр, преклонила свои колени перед усыпальницей святого, он не выдержал, вышел. Исповедь – дело интимное. Буду последним. Не уедут без меня. Поднял взгляд к небу и... обомлел! Над головой сияла радуга. Одним концом своего коромысла она упиралась в дальний скит, который приютился за озером, а другой – спрятала за лес, надёжно защищавший монастырскую усадьбу от шума и суеты проезжей трассы. Никогда не верил в приметы, а тут пронзило: знак добрый.

На обратном пути они снова сели рядом и, наконец, познакомились. Её звали Наташей. Говорили без умолка. Ему хотелось одного: чтобы дорога никогда не кончалась. Однако счастливые моменты имеют обыкновение бежать вприпрыжку. И брала досада на водителя, который так быстро гнал автобус.

Глава 5

За окном голубели сумерки. Свет Танюшка не включала. Сумерки всегда навивали на неё какую-то сладкую грусть. Вот и сейчас вспомнилось, как лепили во дворе снежных баб с одноклассником Серёжкой. В такую вот пору их, подростков, ещё не звали домой, а приближающаяся темнота подталкивала ближе друг к другу. Глаза его ловили её взгляд всё чаще. И можно было держаться за руки до тех пор, пока не загорались уличные фонари. В фонари мальчишки метили снежками. Бывало, что и разобьют один, другой. Это радовало. Всем известно, что темнота – друг молодёжи.

Танюшка и сейчас частенько следила за Сергеем из окна. И хоть он изменился за эти годы, вытянулся, похудел, походку его узнавала издалека. Её нельзя было спутать ни с чьей другой. Серёжка занимался теннисом и двигался так, словно танцевал на носочках. Два года назад он стал встречаться с какой-то белокурой девицей в мутоновой шубке. Но, как ни пыталась подруг вопросами: что за девица, откуда взялась – так ничего и не выяснила. Видно, не из их школы. Скорее всего, тоже теннисистка, потому что длинная и тощая, как лыжа. Душа по Серёжке перестала болеть, когда начала переписку с парнем, с которым познакомилась по интернету. Звали его Славой. И однажды он предложил ей встретиться. Она возьми да напиши, мол, я не могу ходить. Может быть,

ты придёшь? И – всё!!! Ни ответа ни привета. Как не умоляла, мол, пошутила. Так и не откликнулся больше. Смотрела на его фотографии, перечитывала нежные письма и обливалась слезами. И мать рыдала вместе с ней, что злило Танюшку ещё больше.

– Ты-то что плачешь? У тебя папа есть! И любит тебя! Меня жалеешь?! Обойдусь без твоей жалости!

– Доченька! Да что ты говоришь?! – Мать попыталась обнять её, но Танюшка оттолкнула её руки. Обидные слова вылетали, как из рупора громкоговорителя: жёсткие, беспощадные.

– Не хочу тебя видеть! Уйди, притворщица! Ненавижу!!!

Мать вышла из квартиры вся в слезах. А Танюшка покатила коляску к ящику с лекарствами. Видела в одном из фильмов, как девушка её возраста, выпив снотворное, легла на кровать и заснула вечным сном. И как потом все плакали, жалели её, обвиняя друг друга в её смерти. Вот пусть и поплачут вместе с отцом! Ей нечего терять! Никому она не нужна! В гости прийти и то никто не хочет. Сначала навещали: и Серёжка, и девчонки-одноклассницы, и учителя-предметники, и даже классная, Елена Петровна. А потом, после лета, забыли разом все, будто и не было её больше в этой жизни. Мама бросила работу и занималась с ней уроками сама. С мамой было хорошо, только она перестала шутить и улыбаться. И эти её тайные страдания просто бесили! И в тот день тоже...

Нащупывала руками в коробке лекарства, бездумно, одну за другой глотала таблетки. А тут эта соседка, Зоя Михайловна. И зачем ей только мать ключ дала?! Устроила экзекуцию! Столько воды выпить заставила. И пальцы свои грязные в рот совала. Да ещё «Скорую» вызвала. В больницу к ней мама не приходила. У Танюшки в душе вновь поднялась на неё обида. Видеть её не хочет? Обиделась, видите ли! А потом вернулся из командировки отец. Сел возле её постели, взял руку в свои ладони и долго молчал.

– А мама где? – наконец, шевельнула сухими губами она. Он опустил голову.

– В реанимации. Инфаркт у неё.

Танюшка закрылась одеялом с головой. Заледенела от ужаса. Слышала, как отец выкладывал из сумки в тумбочку какие-то продукты. Но открывать одеяло не стал, тихо произнёс:

– Я тебе книги привёз интересные. Почитай на досуге. Я к маме поднимусь, ладно?

А через два дня в палату вошла Зоя Михайловна. И Танюшка кожей почувствовала беду. Ощутила, как только открылась дверь, поняла всё без слов по потухшему взгляду этой доброй женщины.

– Что-то с мамой? – прошептала она. – И тут же, не дожидаясь ответа, в отчаянье, торопливо и сбивчиво: – А папа придёт?

– Не сегодня, дня через три, – смахнув со щёк слёзы, про-

шептала соседка.

– В командировку уехал? – всё пыталась отстраниться от страшной вести она. А у самой по телу пробежал леденящий озноб.

– Нет. Мама умерла. – И, вытирая ладонью со впалых щёк слёзы, тихо прошептала: – Господи! Упокой грешную душу рабы Божьей Марины и даруй ей Царствие небесное!

Танюшка вся сжалась, закрыла лицо руками, а потом вдруг закричала. Закричала так, что вздрогнули и подняли головы все больные в палате, и с крыши упал огромный пласт слипшегося снега.

– Врёте!!! Это неправда! Слышите? Неправда!!! – и руками принялась хлестать старушку по груди.

– Держись, доченька! – шептала та. – В этой жизни всё пережить надо. На всё воля Божья!

Танюшкина голова заметалась по подушке. Ей так хотелось убежать куда-нибудь! Но проклятые ноги не слушались и перекатывались по постели, сухими бесчувственными палками.

– Бабуля! Милая! Помоги мне умереть! – вдруг взмолилась она, хватая старушку за руку и силясь сесть. – Не хочу я жить! Понимаешь?!! Это ведь я!.. Это ведь из-за меня!..

– Успокойся, девочка моя, – перекрестила её Зоя Михайловна и легонько прижала к постели. – Бог не даёт таких испытаний, каких не может выдержать человек.

– Нет! Нет! Нет!!! – снова изо всех сил закричала Танюш-

ка. Вошла медсестра, сделала ей в руку какой-то укол. Лицо застыло. И хоть из глаз по вискам всё ещё текли слёзы, сознание как будто отключилось. Глаза медленно закрылись.

Отца, который приехал к ней через несколько дней, Танюшка узнала только тогда, когда он вплотную подошёл к её кровати. Она с ужасом смотрела на его осунувшееся бледное лицо, на седые виски, и ей казалось, что он тоже скоро умрёт... От этой мысли всё заледенело внутри. Ресницы её беспомощно захлопали, губы скривились в какой-то непонятной гримасе.

– Сейчас домой поедem, – произнёс отец каким-то далёким и чужим голосом. И в ней что-то оборвалось. Даже стало подташнивать. Она словно застыла, не могла вымолвить ни слова. И молчала несколько дней. Только кивала, когда отец спрашивал что-нибудь. О смерти матери они больше не говорили, словно тема эта была закрыта дубовой дверью, на которой висел запутавшийся в паутине пудовый замок.

До сих пор Танюшка так и не выяснила, что знает отец о её ссоре с матерью. Конечно, Зоя Михайловна что-то должна была рассказать, но что конкретно? А, может быть, её Бог так милосерд, что не позволил раскрыть отцу эту страшную тайну?

Сумерки медленно перетекали в ночь, и ночные страхи сковывали душу путами горьких воспоминаний. Нестерпимо хотелось почувствовать под ногами сдавленный хруст пушистого снега. Но ноги, укутанные шерстяным пледом,

безвольно покоились в коляске. Почему они отказываются ходить? Ведь не болят. Потрогала руками мышцы голени. Как кисель. А боли нет. Боль была только в позвоночнике, не сильная, тупая, причём в строго определённой точке. Иногда Танюшке казалось, что это не точка, а заржавевшая замочная скважина, куда нужно просто вставить ключ и резко повернуть. И тогда она, как заводная кукла, снова начнёт двигать ногами.

Уходя на работу, отец обычно поднимал её, усаживал в коляску, подносил тазик с водой, подавал зубную щетку. Она послушно выполняла весь привычный утренний ритуал. За завтраком обменивались планами на день. Сегодня отец сказал, что задержится. Она скривила пухлые губы.

– Что вдруг, завёл себе кого-нибудь?

Отец поперхнулся и вскинул на неё удивлённый взгляд.

– Танюшка, ты забываешься. Мне не пятнадцать лет. И если у меня есть какие-то дела, то я должен их сделать.

– Мне надоело быть одной! – сорвался до крика её голос. Интересно, что на это он скажет в ответ? Но отец опустил взгляд в пол, поднялся из-за стола и молча стал одеваться.

Ей хотелось заплакать, заскрежетать зубами, заколотить кулаками об стол. Но перед мысленным взором вдруг появилось заплаканное лицо матери, каким она видела его в последний раз. И капризные злые слёзы, не успев выступить, тут же высохли.

Глава 6

Наташа отложила в сторону нож, которым резала овощи в салат, подошла к кухонному окну. Откуда в небе столько птиц? Кружатся в воздухе, как большие мошки. Зима на дворе. Что они разлетались? Некоторое время задумчиво следила за их полётом. И снова угодила в плен безрадостных мыслей.

За что дано ей такое наказание со старшим сыном? В чем её вина? Где допустила ошибки? Поступала так, как поступают многие знакомые ей женщины. Каждая мать стремится дать своему ребёнку как можно больше. Что в том плохого?

На стекле оконной рамы заметила дефектную точку. Стекло вокруг нее было немного вздуто. Странно. Никогда не замечала этого раньше. Чем больше вглядывалась в точку, тем больше она разрасталась. И уже не точка, а милое краснощёкое личико ее пятилетнего Геночки. Он был таким красивым мальчиком, что постоянно со всех сторон в его адрес летело: «Какой прелестный ребенок!». Она старалась одеть его в красивые костюмчики, которые еще больше подчеркивали его привлекательность. Учила кушать, пользуясь ножом и вилкой, осторожно прикладывая салфетку к губам после еды. Он всегда говорил «Спасибо!», выходя из-за стола. При этом поглядывал на окружающих: слышат ли они, какой он воспитанный мальчик. И взрослые умиленно улы-

бались. Они с мужем возили его в Петергоф, полюбоваться фонтанами, к Чёрному морю, поправить здоровье, в зоопарк, посмотреть редких животных. И блаженно улыбались друг другу, видя на его лице восторг. Куда же всё делось теперь? Иногда казалось, что сына подменили. И следа не осталось от того милого мальчика, которым восхищались окружающие. Как, когда и почему это произошло?!

Кто-то из философов древности мудро сказал, что в первую очередь необходимо развивать в маленьком человеке его духовное начало, а материальные блага он зарабатывает сам. Но ведь её родители не читали тех философских книг, какие читает сейчас она. Мать отказывала себе во всём, чтобы порадовать их с сестрой новой покупкой, отправить с классом на экскурсию, дать высшее образование. Конечно, они с Томкой родителям помогали много. У них был свой дом, скотина, огород, палисадник с цветами. И в хозяйстве дел всегда хватало. Сушили сено, рвали лебеду для поросёнка, кормили кроликов, складывали дрова в поленницы. И пока «трудовая повинность» была не отработана, думать об играх во дворе или купанье не могли! По субботам производилась влажная уборка всего большого дома. Томка, как старшая, мыла гостиную, она – детскую комнату, мама – спальню и кухню. После уборки ходили в общественную баню. Очереди в баню были большие, особенно в женское отделение. Тазы, сумки с одеждой, бутылочки с питьём. Почти все женщины знали друг друга. Посёлок невелик. Очередь превра-

щалась в настоящие посиделки. Обсуждали мужчин, сетовали на детей, делились информацией о том, что нового поступило в магазины, пересказывали то, что слышали по радио. Чтобы дети не развешивали уши, отправляли их на пустырь за баню играть, зимой – в снежки, летом – в лапту. На полок в парилке мать сначала их с сестрой затягивала с руганью, а потом – первыми бежали занять углы, чтобы не мешаться под ногами заядлых парильщиц. А после бани мать с Томкой везли её на санках домой. На ногах лежали сумки с бельём, из-за которых почти не видно было звёздного неба. А ей так хотелось найти глазами три в ряд стоящих звезды, которые всегда притягивали её внимание. А Томка ворчала и зло косилась в ее сторону:

– Ишь, расселась, Лысаба! Везите ее! Барыня нашлась!

Прозвище «Лысаба» приклеила ей сестра за мягкие, как пух, белые волосы. Сама же Томка гордилась своей толстой черной косой.

– Ну, Томка! Злая ты всё-таки! Наташка ведь на пять лет тебя младше! Что ты всё себя с ней равняешь? – пробовала усовестить сестру мать. Но сестрица норовила так резко дернуть веревку санок, чтобы они перевернулись в снег. И если это у неё получалось, мать больно щёлкала её по лбу, от чего Томкина злость начинала брызгать во все стороны. Какие только обзывки не извергал её маленький желчный ротик. И никак её было не урезонить.

Наташа росла очень болезненной, и мама бесконечно

и неустанно лечила её народными средствами. В нос обычно закапывался сок лука, чеснока, вперемешку с соком столетника. После всех этих снадобий в носу щипало и жгло так, что выть приходилось на весь дом. А Томка передразнивала её, кривя всякие мерзкие рожицы. Но больше всего доставалось ей от сестры, когда родители уходили на работу. Тут уж Томка отводила душу. Перед приходом на обед отца Томка тащила её, заплаканную, к умывальнику, споласкивала ей лицо холодной водой и трубила в ухо:

– Только попробуй наябедничать отцу, никогда гулять с собой не возьму и ребят всех настрою, чтобы с тобой не водились.

Угроза звучала весомо. И на подозрительные взгляды отца Наташа, хлюпая носом, заученно твердила одно:

– Мыло в глаза попало!

А любимым занятием Томки было обсуждать мать. Мол, не попросит помощи, а потом упрекает. А ещё сестра не любила, когда мать старалась быть лучше, чем есть на самом деле. Это случалось, когда в дом приходили незнакомые или малознакомые люди. Голос у мамы становился каким-то грудным, воркующим. А вид – таким интеллигентным, что Томка, подмигивая ей, давилась со смеху.

– Смотри! Смотри! Интеллигентная какая! – шептала она ей на ухо. – А люди уйдут – она отцу таким матом врежет!

Иногда Томка так выводила мать, что та, прикусив воротник старенького фланелевого халата, начинала гоняться

за ней вокруг стола, чтобы схватить за косу. Длинноногая Томка, войдя в азарт, увёртывалась и поддразнивала:

– Ну! Ну! Попробуй-ка! Схвати её,хвати!

Мать, больная и тучная, задыхаясь от этого суматошно-го бега по кругу, притворно изображала на лице плаксивую гримасу и, заикаясь, сквозь смех и слёзы повторяла: «Сэ... сэ... сэ...!!!» Видимо, язык не поворачивался произнести на дочь грубое слово. Прыгая вокруг стола то влево, то вправо, Томка подсказывала ей: «Стерва!», «Собака!», «Свинья!». Тут мать, наконец, останавливалась, переводила дыхание и устало произносила:

– Ну, паразитка, погоди у меня!

Но более десяти минут сердиться мама не умела. И снова они, как ни в чём не бывало, вместе ели тонкие, воздушные блины со сметаной. И снова общалась так, словно и не было никакой размолвки.

Сестра уехала учиться в Петербург, когда Наташе было всего десять лет. И когда приезжала домой на праздники или каникулы, любила посеCRETничать с мамой на кухне, плотно прикрывая дверь перед самым носом младшей сестры: «Не мешай! Дай с мамой поговорить! Займись уроками!». Причём говорила это с таким злорадным торжеством, что у Наташи захватывало дух от обиды. А мама только головой качала. Начинать ссору со старшей дочерью, приехавшей всего на два дня, ей очень не хотелось.

Наташа вздохнула, взяла в руку нож, стала очищать кочан

капусты, вырезая и откидывая в сторону грязные листья. Делала это так усердно, словно вместе с листьями хотела вырезать из памяти все плохое и ненужное. Только с капустой было справиться легче.

Но нет такой сферы в жизни человека, куда бы не смогла проникнуть вездесущая зависть. Вот и теперь она пришла на смену, казалось бы, невинным детским пинкам и обзывкам. В плане материального достатка сестра преуспевала: сама была заместителем директора кондитерской фабрики, муж заведовал рестораном. В пору оголтелых дефицитов того времени их дом был полной чашей. Томку в Наташе бесило буквально всё: любовь родителей, успехи в работе, забота мужа, внимание мужчин, уважение подруг. И год от года нападки сестры становились всё яростнее и беспощаднее. Наташа старалась никому не рассказывать об этом. В такое было просто трудно поверить. И только однажды мама, горько вздохнув, сказала: «Меня не станет, вы не будете дружить!» Сказала, как нитку в иголку вдела. После смерти родителей они с сестрой разошлись «как в море корабли». И с тех пор не виделись уже много лет. Ни звонками, ни письмами не обменивались. И даже о смерти мужа Наташа сестре не сообщила.

Но, как бы там ни было, родители были в детстве для них с сестрой авторитетом. Их укор проникал в душу глубоко.

Почему-то вспомнилось, как мать плакала, жалея Томку: «Бедная моя девочка! Ей с собой не совладать. Не смот-

ри на меня так, Наташенька. Жалей сестру. Это всё от тёмных. Она и сама не рада! Молюсь за неё, каждый Божий день молюсь!». Тогда этого было не понять. И даже сердилась на мать. Нашла, за что жалеть! Эгоистка Томка, и всё тут! А теперь вот слова матери вспоминались чуть не каждый день. И порой Генку было тоже до слёз жаль. И фраза: «Не ведает, что творит» – наконец, наполнилась смыслом. Читая философские книги, ясно представляла Тонкий мир, заполненный потоками темных и светлых энергий. Притупит человек бдительность, ослабит волю, и тут же закрутит его в потоке дьявольских искушений. И один грех тянет за собой другой. И сам на себя диву даёшься. Язык вперёд мыслей бежит, несёт, что к носу ближе. Коришь себя потом: «Зачем сказал?». Да что толку? Слово не воробей... Ещё мама в детстве учила: «Держите, девчонки, язык на жёсткой сцепке. От него много бед!»

И теперь уже Сеня смотрит на неё с тем же укором, с которым когда-то смотрела на мать она, когда та лила слёзы по Томке. Как-то попробовала объяснить Сене про психические и духовные болезни. Бывают, мол, люди разные: горбатые, сумасшедшие, убогие. И принимать их надо без осуждения, какими Бог создал. И помогать по мере сил. Нет, не сюсюкать и потакать, а знать тактику поведения с ними, как знает врач-психиатр, каким образом вести разговор с больными. Но сын не понял, скептически ухмыльнулся. Не готов ещё...

Во время вторых родов вопросом о том, кого хочется иметь, Наташа не задавалась: лишь бы здоровеньким был. Намучавшись с Генкой, устав от больниц, капельниц и вечного страха перед очередными его болячками, ни о чём другом и не мечтала. Всю свою нежность и заботу перенесла на новорожденного. Генка слонялся по квартире неприкаянным. Занять его было абсолютно нечем. Хорошо бы на ту пору было отправить его к бабушке с дедушкой, но мама серьезно заболела, рак, потом слёг отец... И пошли похороны за похоронами. И пропасть между ней и сыном росла со дня на день. Степан утопал в работе. Сын донимал так, что подчас не могла дождаться прихода мужа. Генку с трудом можно было заставить убрать за собой постель. И делал он это с такой неохотой и так неряшливо, что ей приходилось всё перестилать заново. Терпеть не могла, когда одеялом прикрывают скомканную простынь. Сын абсолютно всё делал наперекор ей! А до нее все никак не доходило, что это умысел! Что он вредит специально, чтобы привлечь к себе её внимание. Сейчас это понимала. Господи! Почему мы прозреваем так поздно?! Убрав в кухне, снова подошла к окну. Вороны все кружились над застывшим парком. Каким-то заявится сегодня домой старший?

Он вернулся домой поздно вечером, прихрамывая на левую ногу. Нагло улыбаясь, сообщил:

– Твой сосунок на меня с ножом сегодня накинудся!

Наташа молча, в упор, смотрела на сына. Ждала, что ска-

жет дальше.

– Ну что на меня уставилась? Опять его оправдываешь? – и пошёл в кухню. Хлопнула дверка холодильника. Она села за стол напротив.

– Ну что ты меня гипнотизируешь? Хочешь, чтобы заявление из милиции забрал? По глазам вижу. А если не заберу?

– Заберёшь! – глухо прозвучал её голос. Сын хмыкнул.

– Посмотрю на его поведение! Пусть сначала прощения попросит.

– Значит, ты ни в чём не виноват?!

– Значит, ни в чём! Я – потерпевший. Сожрал мои пельмени и доволен!

– А что, в холодильнике не было другой еды?

– Не хочу я есть эту курицу! Он знает, что я её не люблю!

Наташа молча смотрела в глаза сыну.

– И это было единственной причиной вашей ссоры? – В голосе её было столько горечи, что сын поперхнулся и закашлял.

– Наябедничал, значит! И ты ему поверила! Ты всегда ему веришь, на нём, как на депутате Госдумы, право неприкосновенности! А ты знаешь, что я его за это могу в тюрьму упрятать?!

И опять всё перевернулось внутри. И опять шевельнулся в животе липкий и скользкий страх за младшего. А ведь это может случиться! Не сейчас, то когда-нибудь. С отчаянием смотрела надвигающиеся челюсти сына. Как же ему нрави-

лось мучить её, видеть её страдания! Вот и сейчас прячет свой довольный взгляд в тарелке с супом.

– В кого ты такой, Гена?! – выдохнула обречённо, чувствуя, как по коже пробегает нервный озноб.

– В дядюшку-уголовника! Я от вас уже это слышал! И хватит мне глаза мозолить! Дай поесть!

Молча вышла. Разговор снова зашёл в тупик. Ей до него не достучаться! И вспомнился давнишний разговор с мужем:

– Случись что со мной, Наташа,хватишь ты беды с Генкой. Сейчас он мою силу чувствует. Тут как-то на Сеньку наскочил, стал валтузить. Я как раз домой пришёл, досталось ему от меня! Помнить будет, что на всякую силу другая сила найдётся! Сенька, что он, как цыпленок рядом с ним. Генка в меня комплекцией пошёл. А вот натурой в кого уродился, не знаю...

– Ты брата Василия вспомни!

– И то правда! Мерзость его с детства не терпел. Но жидким больно рос, жалел я его, всё время заступался.

– А помнишь, как Васька драку затеял и чуть не всю деревню в эту драку втянул? Ну, а когда колья засвистели, в саду спрятался. Я тебя шла с фонариком искать, слышу, по саду кто-то ходит. Думала, что ты. Направила свет, гляжу, он за кусты прячется. Спрашиваю: «Василий, а где Степан?» Там, говорит, на краю деревни, махается! А ты? Ты, говорю, почему здесь?! А он мне: «Была нужда с синяками ходить!»

И почему так происходит, дядюшка и племянник, по сути

своей, как две капли воды? Ладно бы, хоть видели друг друга, а то даже никогда не встречались.

Стала перебирать в памяти все знакомые семьи. Братья ли, сестры ли очень отличались друг от друга. Самое странное – даже близнецы. Внешне похожи, как две горошины, а натурой разные! Вычитала в какой-то книге, что дети – носители родительских недостатков, увеличенных в сотню раз. Только не всегда родительских. Иногда ген по дядюшкиной или тётушкиной линии проскочит. А, бывает, от деда или бабушки что перепадёт. Словом, сложно устроен этот мир! Наивно думать, что мы появились на свет, чтобы просто жить. Нет, перед каждым сложная задача: получить определенные уроки через взаимоотношения с близкими, соседями, друзьями, коллегами по работе. В каждой семье, в каждом доме – своё. Говорят, что испытания даются по силе духа. Значит, сильна ты, матушка!

Тяжело вздохнула, поднялась, подошла к зеркалу, распустила по плечам волосы, заглянула себе в глаза: «И всё-то ты понимаешь, моя милая Наташка!». Но та, в зеркале, молчала. А что тут скажешь? Своих ошибок не вернуть назад, как не вернуть вылетевших из гнезда птиц». Сморщила нос, подразнить свое отражение. И оно не замедлило с ответом.

Потом долго лежала на кровати поверх одеяла с открытыми глазами, глядя сквозь полосатые шторы на свет уличных фонарей. И никак не могла найти ответа на вопрос: почему Геннадий так ненавидит брата? Ревность?!

Второго ребенка они со Степаном не решались заводить очень долго. Она училась в институте. Забеременела, когда Геннадию было уже восемь лет. Он недобрым взглядом косился на её растущий живот.

– Кто у тебя там? – как-то уж очень недовольно однажды спросил он.

– У тебя скоро родится братик, – как можно спокойнее объяснила она.

– Не хочу! – топнул ногой сын.

– Как не хочешь? Почему?! – удивилась она. – Ты будешь с ним играть, заботиться о нем...

– Нет! Я не буду любить его! Пусть врачи его уберут. Я спрашивал у бабушки, они могут это сделать!

– Гена! Твоему братику уже шесть месяцев! И вообще, кто тебе дал право так разговаривать с мамой?! Вот приедет папа, я ему всё расскажу.

– А почему вы не спросили меня?! Почему решили это тайком?! Я ненавижу его!

Больше разговоров о маленьком братике они с мужем при сыне старались не заводить. Старший успокоился. Правда, косые взгляды на её выпиравший из-под широкого халата живот нет-нет да бросал. Перед сном, перешёптываясь в постели, они со Степаном пытались представить реакцию старшего сына на рождение брата. Принеся Сеню из больницы домой, были удивлены тому внешнему равнодушию, с которым Геннадий это воспринял. К кровати новорожденно-

го не подходил, ничего о нём не спрашивал, будто и не было пополнения в семье. Но однажды... произошло такое, от чего Наташа долго не могла прийти в себя. Малыш спал. Она вышла на кухню вскипятить молоко. Гена играл в гостиной на ковре с игрушечной железной дорогой. Над молоком уже поднималась пена, вот-вот закипит, и можно снимать с плиты. А её вдруг шатнуло, будто кто оттолкнул от плиты в сторону. Не помня себя, метнулась в спальню. И помутилось в глазах от ужаса. Накрыв брата одеялом и подушкой, старший лежал на малыше, придавливая его к кровати всем своим телом. Наташа схватила сына за волосы и отшвырнула в сторону. Посиневший ребёнок долго не мог заплакать. Из кухни доносился едкий запах сторевавшего молока. А Наташа, потрясённо смотрела на старшего сына. Казалось, в жила её застыла кровь. Наконец, Сеня зашёлся в плаче. Она успокаивала его, покачивая и поднося к губам сосок. Старший, так и не взглянув на неё, выскользнул из комнаты. Она слышала, как щёлкнула за ним входная дверь. В голове клубком закручивалась мысль: говорить ли об этом мужу? Нет, лучше не говорить. От отца доставалось Геннадию частенько. Наташа, как могла, сдерживала быстро вскипающий гнев Степана. Видя, как от наглости сына у того сжимаются кулаки, вставала между ними надёжной стеной и уводила мужа в спальню.

– Не бей его, Стёпушка! – шёпотом умоляла она. – Он только ещё больше зло затаит, и будет месть возвращать! Ку-

лаками тут не поможешь!

– А чем поможешь?! – не унимался муж. – Молитвами?! Что толку от того, что ты за него день и ночь Богу молишься?! Один бы раз ему, как надо, вправить мозги! Походил бы в синяках, может, что усвоил!

– А если тебя не будет рядом? – возразила (и как в воду глядела!) она. – Кто защитит нас от него?

Степан беспомощно мычал, как от доставшей его зубной боли, и бил кулаком по подушке. Доброго разговора с сыном у него не получалось. Сын демагогией отбивал любые аргументы. Чувствуя бессилие родителей, Геннадий ликовал. Это было видно по его злорадному взгляду.

А в одиннадцать лет с ним стали твориться и вовсе что-то странное. Муж был в командировке. Наташа никак не могла разбудить сына и отправить в школу. Что только ни делала: обливала холодной водой, стаскивала одеяло, включала на всю громкость музыку, щекотала бока, шлёпала по щекам. Сын что-то бормотал сквозь сон, но глаз не открывал. Она даже заплакала от собственного бессилия.

– Сыночка! Проснись! Что с тобой?!

– Я спать хочу! Я не спал всю ночь.

– А что ты делал?! – прикрывая рукой рот, прошептала она.

– Летал над городом, – так и не открывая глаз, тихо произнёс сын.

Наташа в ужасе присела к нему на постель, пощупала ру-

кой лоб.

– Ты бредишь, сынок!

– Нет! Со мной ещё был какой-то дядька в чёрном плаще. Мы с ним видели пожар. Мы летали туда. Театр горел. Сколько народу там было!..

Всё, что говорил сын, казалось невероятным бредом. В школу он так и не собрался. Она тоже отпросилась с работы, сославшись на сильные головные боли. Днём сын спокойно смотрел телевизор, хорошо кушал, играл в компьютерные игры и не проявлял никаких признаков болезни. Наташа уговорила его раньше лечь спать. Но и на другое утро повторилось то же самое. У неё закралась мысль, что сын, тайком начитавшись каких-то книг, нарочно теперь дурачит её, чтобы не ходить в школу. Она накричала на него, помогла одеться, повесила на плечи ранец и выставила за дверь. А потом долго вытирала слезы, наблюдая за ним из кухонного окна. Глаза не глядели на его «макаронную» походку. А когда он, наконец, скрылся из виду, спешно стала собираться на работу. И тут услышала по радио, что сутки назад, ночью, сгорел драматический театр. Она бессильно опустилась на диван. Братъ второй отгул было никак нельзя. Не помня себя, выскочила на улицу. Это помогло. Спешившие куда-то люди и машины отрезвили. Потом! Об этом буду думать не сейчас, потом!

Когда вернулся из командировки муж, Наташа ему всё рассказала.

– Ну, напридумывала страстей! Нельзя мне тебя одну оставлять. Наверное, книжки ночью читал. А, может, телевизор включил да «ужастиков» посмотрелся, пока ты спала. Теперь такое по телевизору показывают, что и взрослый умом может тронуться. Ну, а пожар в театре – совпадение.

Слова мужа немного успокоили, а потом и вовсе здравый рассудок взял над страхами верх. Действительно! Как она не догадалась? И накрутила себе! Вот глупая!

И все же история эта имела продолжение. В марте вся семья переболела гриппом. У сына поднялась температура. Он начал бредить. Кричал от страха, бил кулаком себя в грудь, залезал на комод, прячась от кого-то. При этом зрачки его увеличивались до таких размеров, что не видно было цвета глаз. Они напоминали два тёмных дула двуствольного ружья. Наташа долго не могла его успокоить. Тут в спальню вошел разбуженный его криком Степан. Услышав строгий голос отца, сын вздрогнул и пришёл в себя. Наташа легла рядом с ним. А наутро повела мальчика к детскому психиатру. Выслушав её, тот успокоил, мол, возрастное, пройдёт. На всякий случай выписал таблетки от глистов, мол, на этом фоне галлюцинации тоже случаются. Кто бы знал, как тяжело ей было его растить!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.